

СЛЮСАРЕВА Н. А.

О ТИПАХ ТЕРМИНОВ (на примере грамматики)

Рассматривая вопросы терминологии, по-видимому, надо начинать с главной научной проблемы соотношения объекта и предмета изучения¹. Сложность лингвистической терминологии заключается в том, что в процессе развития науки накладываются друг на друга, смешиваются и не различаются: а) термины, которыми именуются феномены объекта, б) термины, которыми именуются феномены предмета, выделенного из объекта, и в) термины, которые используются в качестве инструмента анализа. Грамматика дает нам достаточное количество таких примеров.

Первым и основным объектом грамматики является акт речи, представленный либо в виде определенного звучания, либо в виде фиксации его в письменной или в любой другой материализованной форме. Протяженность этого объекта может варьироваться от единичного восклицания-междометия до дискурса, выделенного в пределах целого текста. При этом предметом грамматики как раздела языкознания является грамматическая организация дискурса и более мелких единиц в его пределах. Такое утверждение звучит тривиально, а между тем за ним стоит целый комплекс терминологических проблем, которые удобно показать на примере предложения-высказывания. Дефисный термин *предложение-высказывание* использован здесь потому, что указанная единица представляет диалектическое единство языка и речи как объекта, существующего не только вне и независимо от нашего сознания, но и в его пределах. Предложение-высказывание — это объект, отдельные стороны, аспекты которого становятся предметом анализа². С точки зрения речи этот предмет предстает в качестве высказывания, а с точки зрения языка выступает как предложение³. Оба эти слова в их раздельном бытии являются терминами, которые именуют предмет изучения, понимаемый так в плане науковедения. Именно этот предмет был выделен в качестве такового на заре появления науки о языке и продолжает быть в центре интересов и ныне.

Небезынтересно отметить, что термины, относящиеся к объекту исследования, как правило, с трудом поддаются определению, хотя наличие обозначаемых ими единиц осознается и говорящими, и изучающими свойства данного объекта. Это положение особенно важно, когда речь идет о языке, уникальность которого заключена в его функционально-сущностных свойствах: он является важнейшим средством человеческого общения, формирования и передачи мысли, а также выражения эмоций и при всем этом средством анализа самого себя. Тесная связь языка с существованием человека предопределила то, что его единицы, слово и предложение, являются неотъемлемыми частями процесса общения и потому выступают в первую очередь как представители обиходных, а не научных понятий. Обиходные, т. е. конкретные, понятия нуждаются не в дефиниции,

¹ В отличие от объектов, существующих независимо от человека, предмет науки формируется познающим лицом с позиций теоретических знаний эпохи.

² Термин аспект (чего-либо) представляется удобным, потому что данный феномен выделяется исследователем и рассматривается с определенной точки зрения.

³ Эта идея высказывалась, например, В. А. Звегинцевым, но его термины — предложение для единицы речи и квази-предложение для единицы языка — представляются недостаточно удачными [ср. 2].

а в демонстрации, определение же их оказывается крайне затруднительным.

Дефисный термин предложение-высказывание был выбран для обозначения феномена, относящегося к объекту, т. к. оба термина первоначально употреблялись в виде обиходных слов для его именованя. Затем каждое из этих слов стали использовать для названия предмета научного знания, а в последнее время употреблять по отношению к лингвистическим объектам языка и речи.

Говоря о предложении как предмете грамматики и о терминологии, именующей его единицы, следует иметь в виду, что оно многоаспектно и допускает минимум четыре возможности описания. Прежде всего при соотнесении с суждением как с единицей мышления выделяется аспект рассмотрения предложения, который раньше всего привлек внимание, что и отразилось в терминологии: *субъектом* называют один из главных членов и предложения, и суждения (в русском языке есть особый термин для грамматического феномена — *подлежащее*). Хронологически почти одновременно состав предложения стали рассматривать в структурном плане, и именно это привело к созданию собственно грамматических терминов, в частности, к противопоставлению логического субъекта и грамматического подлежащего, к выяснению особых (морфологических или позиционных) свойств последнего. Открытие несовпадения структуры предложения с психологическими особенностями развертывания мысли привело к новому разбедению терминов. Грамматическое подлежащее стали противопоставлять психологическому. Это последнее довольно скоро уступило место термину *тема* (вместе с его противочленом — *ремой*), т. к. актуальный аспект синтаксиса выделился в качестве особого предмета науки. Наконец, интерес к семантике синтаксиса позволил выявить соотнесенность единиц предложения с их аналогами (референтами) в описываемой ситуации, появились термины *агенса*, *пауиенса* и т. п., которые опять-таки стали обозначать языковые феномены, в сути своей отличные от названных выше. Сложность выделения этих явлений заключена в том, что, например, в простом предложении все аспекты могут быть представлены в одном и том же его члене и их отделение происходит благодаря использованию разной терминологии, в которой закрепились познавательные свойства. Так, в предложении *Старик сидит в кресле* первое слово является и подлежащим (структурный аспект), и субъектом (логический аспект), и темой (актуальный аспект), и агенсом (аналоговый аспект)⁴.

Естественно, встает вопрос о возможности применять эти и подобные им термины к языкам разных типов и разных семей, иными словами, о единой грамматической терминологии. В свое время А. Мейе задумался над необходимостью и возможностью выработать единую терминологию для построения всеобщей морфологии. Сравнив такие термины, как *имперфект*, *будущее время* и др., он показал, что в разных языках они называют неодинаковые явления из-за специфики противопоставлений в каждой отдельной языковой системе, и кроме того, хотя логические категории можно определить, они не совпадают с языковыми и, в частности, с грамматическими категориями [3]. По мнению Мейе, универсальное определение, например, будущего времени, относится лишь к мыслительной категории, которая не может считаться языковой, а следовательно, лучше не именовать одним термином разные грамматические формы конкретных языков. На основе своих рассуждений французский ученый пришел к выводу, что категории всеобщей морфологии не должны включать ничего такого, что характерно для их использования в разных языках. «Всеобщая морфология, — заключает он, — нуждается в собственной терминологии, которая придала бы ей наиболее абстрактный характер» [3, с. 35].

Соображения А. Мейе не утратили своей важности и сейчас, однако возникает вопрос, целесообразно и возможно ли при определении язы-

⁴ С иной позиции к многоаспектности лингвистической терминологии подошел И. А. Кузнецов [4].

ковых феноменов отрешиться от экстралингвистических данных. Своеобразие языка, которое находит выражение в тесном переплетении сущностных, функциональных и атрибутивных свойств, не позволяет этого сделать. Приходится, однако, констатировать неоднородность лингвистической терминологии в целом и терминологии, относящейся к области грамматики, в частности.

При самом поверхностном взгляде четко выделяются три группы терминов: 1) у н и в е р с а л ь н ы е, которые в принципе могут быть применимы к описанию явлений самых различных языков, 2) у н и к а л ь н ы е, именующие явления, специфические для какого-либо языка, и 3) а в т о р с к и е, ориентированные на использование лишь в пределах одной теории (их можно назвать концепциально-авторскими).

Рассмотрим некоторые примеры иного плана по сравнению с теми, которые привлекли внимание А. Мейе. *Подлежащее* в словаре лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой определяется как «главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения, обозначающий предмет мысли, признак которого определен сказуемым». Тут же добавлено, что «морфологизованной формой выражения подлежащего является существительное в именительном падеже» [5, с. 290], и, кроме того, приведены примеры на возможность выражения подлежащего другими средствами: местоимениями, количественными числительными, любой субстантивированной частью речи, инфинитивом, словосочетаниями и т. п. Указывается также, что грамматическое подлежащее в собственном смысле отличается от логического и психологического: первое определено как «то, о чем говорится в предложении» [5, с. 168], а второе — как «представление, являющееся первым по порядку возникновения в сознании, независимо от грамматического его выражения» [5, с. 350].

Во французском словаре Ж. Мунена, предназначенном примерно для того же круга читателей, о подлежащем говорится, что это «синтаксическая функция отрезка речевой цепи (*du segment*), которая актуализирует сказуемое (*le prédicat*) и вместе с ним составляет минимальное высказывание» [6, с. 311]. В аналогичном английском словаре Р. Хартмана и Ф. Сторка читаем, что подлежащее — это «именное словосочетание (*a nominal phrase*), функционирующее в качестве одного из двух главных составляющих предложения, вторым из которых является сказуемое» [7, с. 224]. Указывается также, что в английском языке подлежащее может быть определено по его месту и что иногда различаются грамматическое, логическое и психологическое подлежащие, первое из которых относится к поверхностной структуре, второе — не выражено, но подразумевается, т. е. наличествует в глубинной структуре, а третье является темой (*topic*) высказывания.

Даваемые словарями дефиниции свидетельствуют, что за ними стоят сходные понятия и представления, хотя выбранные для определения слова указывают на некоторые различия концепций. Нам могут возразить, что в качестве примера были взяты базовые термины синтаксиса, тогда как у Мейе речь шла о морфологии, где каждая категория зиждется на противопоставлениях, а именно эти последние не совпадают в разных языках. Однако при кажущемся несовпадении можно и при определении морфологических категорий и форм найти то общее, что позволяет создать платформу для сравнения. Какую бы из категорий мы ни взяли — род, число, падеж и пр., — везде мы выделим общее при наличии специфического, особенного. Это естественно, т. к. для всех языков предполагается наличие выраженных языковыми средствами содержательных категорий, связанных с формами познания и отражения объективного мира. О таких категориях писал В. Н. Ярцева, избирая их в качестве опоры для сравнения языков и установления различий на фоне сходств [см. 8, с. 32]. Более того, современная наука, как неоднократно отмечалось рядом исследователей, подошла к анализу укрупненных категорий, типа «темпоральность», «аспектуальность» и т. п., что позволило еще шире и глубже раскрыть общечеловеческие понятийные формы отражения действитель-

ности, находящие себе реализацию во всем репертуаре языковых средств. То, что для выражения одного и того же содержания используются разные средства, позволяет при анализе разносистемных языков проводить межуровневые сопоставления. В приведенных выше примерах определения подлежащего русский языковой материал заставил подчеркнуть морфологический его признак, тогда как английский материал подсказал необходимость обратить внимание на позиционный признак.

Таким образом, анализ объекта терминования, степень его изученности, характер концепций, положенных в основу определений, — все это сказывается на статусе и содержании самого термина.

Разобранные примеры позволяют утверждать, что в грамматической терминологии выделилась значительная группа терминов, которые можно назвать универсальными, ибо за ними стоят самые общие категориальные сущности, которые обнаруживаются в грамматическом строе любого языка. В первом приближении к терминам такого рода можно отнести отстоявшиеся веками слова из области синтаксиса — *предложение, подлежащее, сказуемое, согласование* и т. п. и морфологии — *род, число, падеж, имя (существительное, прилагательное), глагол, модальность* и т. п. К этим терминам за последние десятилетия присоединились термины *тема и рема* (в английском языке *topic — comment*), *высказывание* (англ. *utterance*, франц. *énoncé*) и вновь созданные термины — *актант, денотат* (заимствован из логики), а также *парадигма, тезаурус, дейксис*. Кроме того, все время пополняется особая группа терминов, обозначающих наиболее общие категории и оформленная особым суффиксом (*темпоральность, аспектуальность, валентность* и др.).

Часть этой универсальной терминологии имеет интернациональную формальную основу, т. е. сходна в плане выражения, часть имеет «национальный» характер по форме (типа *подлежащее* — англ. *subject*, франц. *sujet*, нем. *Subjekt*), но, благодаря универсальности предмета терминования, также может рассматриваться в пределах этой общей группы.

Последний момент мы особо подчеркиваем, ибо считаем, что за основу данной классификации терминов целесообразно принимать содержательную их сторону, т. е. денотативный аспект значения, на что обращал внимание еще А. А. Реформатский. Определяя эту группу терминов, мы отвлекаемся временно от специфики концепций, которые выявляются в дефинициях и обуславливают сигнификативный аспект общих терминов грамматики. Так, например, термин *актант* неоднозначно определяется, но стоящее за ним понятие именного слова, особыми связями присоединяющегося к глаголу, остается в принципе неизменным. Достаточно посмотреть определения в некоторых современных словарях: «Имя называет того, кто производит действие, обозначенное глаголом (переходным) или глагольным словосочетанием, которые образованы из (переходного) глагола и дополнения» [9, с. 8]; «Свободные места около глагола, которые могут или должны быть заняты твердо установленными по качеству и количеству дополняющими определителями (*Ergänzungsbestimmung*). Число и качество актантов определяется валентностью глагола» [10, с. 25—26]; Эрбен говорит об «обязательном дополнении к глаголу», Бринкман — о «соучастнике» (*Mitspieler*) глагола, а Левандовский — о требуемом глаголом члене предложения, который необходим вследствие распределения мест около глагола [11, с. 24].

К сожалению, приходится отметить, что бывают случаи, когда формально один и тот же термин, на первый взгляд, относящийся к группе, в которую включены обозначения универсальных грамматических феноменов, используется неоднозначно в научных традициях разных стран (или регионов). Приведем два таких случая. Термин *гипотаксис* в русской и немецкой грамматиках обозначает подчинение в пределах сложного предложения [12, с. 100; 15, с. 71; 10, с. 108]; по аналогии *паратаксис* соответствует сочинению предложений. Однако во французской традиции термин *гипотаксис* определяется как «название синтаксического процесса, состоящего в том, чтобы выявить при помощи сочинительного или подчинительного союза отношение зависимости между двумя предложениями,

следующими друг за другом в сложном синтаксическом целом... [гипотаксис] противопоставляется простому соположению предложений,... [т. е.] процессу, именуемому паратаксисом» [9, с. 247]. Сходное определение дает и английский словарь: «Присоединение друг к другу предложений при помощи союзов... противопоставляется паратаксису» [7, с. 106]. Заметим, что при определении последнего дан пример: *He dictated the letter; she wrote it*, который соотносен с примером на гипотаксис: *He dictated the letter and she wrote it* [7, с. 163], что не оставляет сомнения в том, что к гипотаксису отнесено и сочинение при помощи союзов⁵. Следовательно, термины *гипотаксис* и *паратаксис*, несмотря на их «международную внешность» (использован греческий состав морфем), не могут быть отнесены к универсальной группе в противоположность смежным с ними терминам *сочинение* и *подчинение* (англ., франц. *coordination — subordination*, нем. *Koordination, Nebenordnung, Beiordnung — Subordination, Unterordnung*).

В качестве другого примера можно привести термины, обозначающие далее неделимую в плане содержания, т. е. наименьшую значимую часть слова. В русской и в англо-американской традиции за этим референтом закрепился созданный И. А. Бодуэном де Куртенэ термин *морфема*, который соотносим и с корнем, и с аффиксами, т. е. является гиперонимом по отношению к ним. Это, по выражению А. Мейе, «миленькое словечко» (*un joli mot*) прижилось и во Франции, но со суженным смыслом, поскольку обозначает лишь ту из наименьших частей слова, которая является носителем грамматического значения, т. е. морфемами являются прежде всего аффиксы, а также прочие грамматические элементы — артикли, предлоги, союзы. Отсутствие обобщающего термина побудило А. Мартине ввести изобретенный А. Фреем термин *монема* в качестве гиперонима по отношению к терминам *семантема* (носитель лексического значения) и *морфема* [8, с. 324]. В современных итальянских трудах в виде эквивалента к *монеме* выступает термин *ипосема* (*iposema*). Таким образом, термины *морфема* (русск.), *morpheme* (англо-амер.), *Morphem* (нем.), *morpème* (франц.), *iposema* (итал.) представляют собой пример межъязыковой синонимии, т. е. имеют одно и то же значение и могут быть отнесены к универсальной группе терминов. Но этого нельзя сказать про термин *морфема*, взятый безотносительно к научной традиции его использования, т. к. универсальной (интернациональной) является лишь его звуковая оболочка, т. е. внешняя сторона.

Подобные термины со сходным звучанием и разным содержанием напоминают «ложных друзей» переводчика и могут составить особую группу, к которой можно отнести и русский полутермин *фраза*, весьма нечетко определенный как «наименьшая самостоятельная единица речи, актуализованная единица общения» [12, с. 502]. В одном из значений *фраза* приравнивается к *предложению*, но в обиходном употреблении она часто является синонимом *реплики*, поскольку связывается с единицей интонации. Соответствующие по звуковой форме термины в английской и французской грамматиках значат нечто иное. В первой из них термин *phrase* эквивалентен русскому термину *словосочетание* [7, с. 175], а во второй русскому термину *предложение*, причем наиболее распространено использование термина *phrase* для обозначения сложного предложения [см. 9, с. 377]. Полутермин *фраза* в русском языке, таким образом, тоже может быть отнесен к «ложным друзьям» грамматиста и терминоведа.

Некоторым свойством группы универсальных терминов является наличие межъязыковых синонимов, созданных из греческих или латинских компонентов (обратное неверно, например, *юссив*, *сублатив* — не универсальны): *субстантивизация*, *адъективизация*, *прономинализация* и т. п. (переходы слов в другие разряды — существительных, прилагательных, местоимений и т. п.), *префикс* (приставка), *презенс* (настоящее время) и т. п. Подобные синонимы, национальные по внешнему виду,

⁵ Правда, словарь М. Пей определяет гипотаксис только как подчинение в сложном предложении [13, с. 117].

подчеркивают общезыковой характер стоящих за ними явлений. Кроме этого, интернациональные варианты удобны при образовании различных производных: *субстантивный*, *субстантивировать* и т. п.

К числу универсальных по своему статусу относятся и общенаучные термины, используемые в грамматике (категория, структура, система, отношение, уровень) и шире — в лингвистике.

Само собой разумеется, что наиболее важными в группе универсальных терминов являются названия разделов языковедческой науки: *грамматика*, *синтаксис*, *морфология*, а также направлений: *глоссематика*, *младограмматизм* и т. п.

Вторую группу терминов можно назвать уникальными. В эту группу включают термины, обозначающие грамматические явления, которые обнаруживаются в одном или в нескольких или даже в группе языков. Таковы, например, *изафет* — термин, обозначающий тюркский, арабский и иранский феномен; *прогрессив* — недавно вошедший в научный обиход однословный термин, который вытесняет словосочетание *длительный вид* (или *длительное время*, *Continuous*) для обозначения явления английской грамматики; *транслатив*, *сублатив* и т. п. — термины, называющие особые падежные формы в финно-угорских языках⁶.

К примерам этой группы следует отнести и ряд терминов, которые на первый взгляд могут показаться универсальными. Так, хорошо известный термин *управление* как вид синтаксической связи применим лишь к языкам с развитой системой флексий. Недаром иллюстрация значения этого термина в английских и французских словарях, как правило, дается на латинских примерах [см. 6, с. 282; 9, с. 416; 13, с. 107]. Правда, отмечается также, что *управление* (англ. *government*; франц. *rection*) имеет место и при особом введении дополнения к глаголу: либо без предлога, либо при посредстве предлога. Эта уступка веяниям старой классической грамматики в современных словарях, не говоря уже о грамматической теории и практике, вызывает самые серьезные возражения, поскольку в аналитических языках ведущим синтаксическим типом связи является примыкание и позиционное определение частей предложения⁷.

К этой же группе целесообразно отнести термины, сложившиеся в научных традициях какой-либо страны (или региона) и за их пределами не распространенные. Например, термин *clause* обозначает в традиционной английской грамматике предложение, когда оно противопоставляется словосочетанию (*phrase*) по наличию подлежащего и сказуемого и когда оно выделяется в составе сложного предложения (*sentence*). В последнем случае этот термин именует и главное (*main clause*), и придаточное (*subordinate clause*) предложения и части сочиненного предложения (*coordinate clause*). С распространением в Великобританию идей системной грамматики М. Халлидея термин *clause* стал обозначать в ранговой шкале вторую единицу: *sentence*, *clause*, *group/phrase*, *word*, *morpheme* [7, с. 37; 14, с. 7], т. е. он закрепился за обозначением части сложного предложения⁸.

Разбираемый английский термин в известной мере близок к французскому термину традиционной грамматики *proposition*. Однако последний, обозначая часть сложного предложения, как и *clause*, может также именовать любое сочетание слов с внутренне предикативным отношением, в основе которого лежит суждение. В этом последнем значении термин *пропозиция* все чаще стал использоваться в наши дни [15].

⁶ Заметим, что общее название данной грамматической категории *падеж* входит в универсальную группу терминов и, по-видимому, в нее же следует включить и наименования наиболее распространенных падежных форм, т. е. *именительный* (*номинатив*), *винительный* (*аккузатив*), *дательный* (*датив*), *родительный* (*генитив*) и, возможно, некоторые другие термины.

⁷ Обязательность же использования после глагола того или иного предлога находится в компетенции лексики, а не грамматики (ср. англ. *to depend on*, франц. *obéir à*), поскольку, во-первых, наличие его ни в коей мере не меняет форму имени и обуславливается традицией, а, во-вторых, в некоторых случаях приводит к возникновению чисто лексических комплексов типа англ. *to look after*.

⁸ Заметим, что в американском лингвистическом словаре М. Пеп термин *clause* не объясняется, по-видимому, как относящийся к компетенции школьной грамматики.

Удивителен пример термина русской грамматики *парцелляция*, который, хотя и имеет «инострannую внешность» и, как указывают Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, восходит к французскому *parcelle* (от лат. *particula*), тем не менее ни в одной западной научной традиции не встречается, а явление парцелляции, т. е. отделение части предложения в самостоятельную единицу линейного развертывания речи (типа «У Елены беда тут стряслась. Б о л ь ш а я» [5, с. 273]), не имеет однословного термина и объясняется при помощи развернутого определения (например, *dislocated constructions*).

Универсальные и уникальные термины составляют основу грамматической терминологии в применении к каждому конкретному языку. Подавляющее большинство их вошло в практику преподавания и в тот элементарный курс, который называется «школьной грамматикой».

Углубление научного знания способствует известному обогащению и уточнению терминов, прежде всего универсальной группы. Однако в обе эти группы попадают термины «отстоявшиеся», вошедшие в широкое пользование, хотя порой и имеющие специфику в пределах разных концепций. Именно эти термины должны быть включены в словари специальной терминологии.

Зарождение терминов и их развитие совершается в группе, названной нами концепциальной, или авторской.

Для языкознания роль этой группы терминов нельзя преуменьшать из-за специфики языка, который выступает инструментом анализа самого себя. Языковедческие термины, «ощупывающие», «осматривающие» и «оценивающие» языковые феномены, создаются при подходе к исследованию, в его процессе и служат для закрепления познанного [16].

Особая роль лингвистических терминов заключается в том, что нередко именно они становятся «визитной карточкой» той или другой концепции. Например, термин *нексус* для наименования предикативных отношений в пределах словосочетаний любого типа (необязательно подлежащно-сказуемых) является «собственностью» О. Есперсена, а термин *тагмема*, хотя и был введен Л. Блумфилдом, стал неотъемлемой собственностью тагмематики К. Пайка, войдя в самоназвание этой школы, что отмечено и в словарях [7, 9, 11, 13]. Некоторые термины носят настолько внутриконцепциальный характер, что общие словари лингвистических терминов их, как правило, не отмечают, например, термин *фемема* включен лишь в словарь американской терминологии Э. Хэмпса [17, с. 230], поскольку он входит в научный арсенал блумфилдовской школы.

Терминотворческие «взрывы» отмечают, как правило, периоды творческих исканий отдельных ученых и целых научных школ. И. А. Бодуэн де Куртене писал о терминологической болезни, которая охватила молодых представителей Казанской школы [18, с. 171], Р. Энглер показывает, как Ф. де Соссюр подбирал термины, создавая свою знаковую теорию [19]. Л. Ельмслев заметил, что «терминология — это дело вкуса» [20, с. 57]. Создав глоссематику, он был вынужден приложить к своей книге особый словарь [21], включающий свыше ста терминов, из которых в научную жизнь вошло немногим более пяти, что подчеркивает Ж. Мунен [6, с. XVII].

Какую бы из современных грамматических теорий мы ни взяли, мы везде обнаружим своеобразную авторскую терминологию⁹. Нередко ее новизна заключается в переосмыслении имеющихся терминов, что для дальнейшего продвижения науки вперед имеет, пожалуй, еще более отрицательные последствия, чем неумелое терминотворчество. Например, термин Л. Ельмслева *глоссема* трактуется автором как минимальная форма, устанавливаемая теорией в качестве основы объяснения, как неразложимый инвариант [21, с. 386]. Однако тот же термин был использован и

⁹ Не избежала соблазна терминотворчества и автор данной статьи, введя термин *сергема* для однословного именования служебных элементов языка (типа предлогов, союзов, артиклей), являющихся самостоятельными словами, но функционирующих как морфемы, а также термин *сервологический уровень* системы языка, которым было обозначено их место в языковой иерархии [22].

М. Блумфилдом, который указал, что все, имеющее значение, является глоссемой, и что это — мельчайшая значимая единица языковой сигнализации [17, с. 56]. Более того, глоссемой стали называть и основную структурную единицу плана содержания, т. е. кратчайшую единицу языкового смысла [12, с. 108]¹⁰, и даже слово как абстрактную единицу в системе языка [23, с. 10].

Данные наблюдения позволяют уточнить высказанное в свое время А. А. Реформатским положение о том, что, поскольку термины парадигматичны в пределах терминологического поля, они «могут жить вне контекста» и, следовательно, «однозначность термины получают не через условия контекста, а через принадлежность к данной терминологии» [24, с. 10]. Для авторских же терминов таким контекстом является концепция, рамки которой суживают пределы терминологического поля. В начале статьи было показано, что определенная подоснова концепции проявляется и в употреблении универсальных терминов.

Как уже было отмечено, возражать против терминотворчества нельзя, т. к. открытие новых явлений неизбежно требует их именования. Еще К. Маркс отмечал, что «в науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах» [25]. После подобного революционного терминологического поворота наступает пора оценки меры новизны и необходимости того, что было открыто и терминировано. Новые термины, проверенные практикой применения к познанному предмету, входят в широкое пользование несмотря на их относительную новизну, как, например, термины *дистрибуция*, *аллоединица*, *денотат* и т. п. [26, с. 330—339]. Другие термины, послужив в качестве инструмента открытия, как всякие инструменты, были отложены в сторону за ненужностью, например, почти вся терминология Л. Ельмслева¹¹.

Следует подчеркнуть, что между универсальными и уникальными терминами, с одной стороны, и концепциально-авторскими, с другой, нельзя провести четкой границы, т. к. последняя группа служит постоянным источником пополнения первых двух, особенно — первой. Это и понятно: раскрывая явления языка и его свойства, исследователь использует термины для обозначения открываемого и не может обойтись без этого.

Вследствие того, что предмет науки, обусловленный свойствами объекта познания, формируется в процессе исследования, а добытое знание закрепляется в терминологии, необходимо очень бережно обходиться с нею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методологические основы научного знания. М., 1972.
2. Звегинцев В. А. Предложение в его отношении к языку и речи. М., 1976.
3. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Т. 2. Paris, 1938.

¹⁰ Термины-омонимы, да еще относящиеся к одной и той же области, создают благоприятные условия для взаимного непонимания или недопонимания, например, *граммемой* именуют и минимальную единицу грамматического уровня (в теории Б. Потье), выступающую в виде синонима к термину *морфема* (по Вандриесу) или *монема* (по Мартине), и минимальную единицу грамматического значения [12, с. 116]. Думается, что омонимы допустимы лишь в тех случаях, когда они относятся к различным областям, например, старый термин *тема*, равный *основе* (отсюда: тематический гласный), и *тема*, равный английскому *topic* как противочлен *ремы*, вряд ли могут встретиться в идентичном контексте.

¹¹ Если бурное терминотворчество свидетельствует о научном поиске и стремлении «открыть» новые свойства объекта, используя термин в качестве инструмента открытия, то еще более осмотрительно следует относиться и к заимствованию терминов. За последние десятилетия наблюдается своеобразная экспансия английской терминологии, против которой уже давно ополчились во Франции [см. 5]. Для хорошо знающих английский язык термин *шифтер* (*shifter*) имеет внутреннюю форму (англ. *to shift* «перемещать, передвигать»), но для русских грамматистов он лишен ее и вместе с многочисленными *коннекторами* и *десигнаторами* создает большие трудности в понимании авторских идей [см. 27]; более внимателен к родному языку оказался В. Н. Топоров, передавший термин *шифтер* как *подвижный определитель*, хотя это, возможно, не было лучшим эквивалентом [см. 28]. Об этом же писала Н. А. Катагощина [см. 29].

4. Кузнецов И. А. О лингвистической терминологии и лингвистических формулировках.— В кн.: Вопросы английского и немецкого языкознания: Материалы научной конференции вузов Урала. Уфа, 1962.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. 2-е изд. М., 1976.
6. Mounin G. Dictionnaire de la linguistique. Paris, 1974.
7. Hartmann R. R. K., Stork F. C. Dictionary of language and linguistics. London, 1973.
8. Об издании энциклопедического труда «Языки мира»: Доклад В. Н. Ярцевой.— Вестник АН СССР, 1979, № 2.
9. Dubois J., Giacomo M., Guespin L. et al. Dictionnaire de linguistique. Paris, 1973.
10. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Hrsg. von Conrad R. Leipzig, 1975.
11. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. I. Heidelberg, 1979.
12. Азманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
13. Pei M. Glossary of linguistic terminology. New York, 1966.
14. Muir J. A modern approach to English grammar. An introduction to systemic grammar. London, 1972.
15. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.
16. Слюсарева Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка.— ВЯ, 1979, № 4.
17. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
18. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
19. Engler R. Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht — Anvers, 1968.
20. Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. Copenhagen, 1928.
21. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
22. Слюсарева Н. А. Сервологический уровень системы языка.— Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков им. М. Горького, 1968, т. 39.
23. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.
24. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959.
25. Маркс К. Капитал.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 31.
26. Кобузов В. И. Введение в языкознание. М., 1979.
27. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
28. Топоров В. Н.— Структурно-типологические исследования. М., 1962.— Рец. на кн.: Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957.
29. Катагощина Н. А. О языке лингвистических диссертаций: Письмо в редакцию.— ВЯ, 1981, № 6.